

Сердце василиска

Автор:

Полина Флер

Сердце василиска

Полина Флер

Поцелуй василиска #2

В прошлом я обычная студентка из России, теперь – герцогиня магического мира Фессалии, наследница древнего рода Белых Драконов и жена бесстрашного генерала, чей взгляд способен обратить в камень. Когда над Фессалией сгущаются тучи и пробуждаются древние силы, я не могу остаться в стороне. Теперь мне придется наравне с мужчинами выступить против зла, чтобы открыть тайну древнего пророчества, побороться за счастье нашей семьи и защитить моего будущего ребенка.

Полина Флёр

Сердце василиска

Глава 1

Всем нужен василиск

– Не вертись! – сурово прикрикнул Дитер. – Заколдую!

Я испуганно замерла. Он василиск, он может. Обратит в камень, и буду стоять среди цветущих слив, красивая и вечно молодая. Идеальная натурщица!

Передвинув во рту длинный мундштук, Дитер усмехнулся и выдохнул вместе с дымом:

– Так-то лучше!

Я приняла надутый вид, но хватило меня только на несколько минут. Руки затекли держать белый бумажный зонтик. Полупрозрачный альтарский халатик, расшитый пионами и райскими птицами, так и норовил соскользнуть с плеч. Подпустив в голос слезу, я осторожно осведомилась:

– И тебе совсем-совсем не будет меня жалко?

– Будет, – ответил Дитер, тщательно размешивая голубую краску. – Но только немножко. Совсем. Капельку.

– Жестокий! – возмутилась я. – Разве камень обнимет так нежно, как это делает живая женщина? Разве утешит, когда плохо? Разве поцелует? Разве родит наследника?

– Тебе мало одного чудовища? – выгнул бровь Дитер, одновременно касаясь кистью натянутого на подрамник холста.

– Мало! – с готовностью закивала я. – Хочу двоих... нет, пятерых маленьких чудовищ! И чтобы все были похожи на тебя!

– Какой ужас! – отозвался Дитер, театрально округляя глаза. – Пять маленьких надутых индюков! Тебе не кажется, что это перебор?

Я задумалась, постукивая ногтем по бамбуковой рукояти зонтика, наконец кивнула:

– И правда, не слишком ли много радости для тебя одного? Пусть дочки будут похожи на меня.

– Капризули с острыми язычками? – Дитер схватился за сердце. – Мне хватает одной!

– Фу, какой же гадкий у меня муж! – фыркнула я. – И почему ты так не любишь детей?

– Я просто не хочу передать свое проклятие, дорогая, – пояснил Дитер, снова переключаясь на картину. – Не хочу той судьбы, что была у меня. Эти косые взгляды... насмешки... презрение... вечный страх!

– Ты теперь можешь управлять силой, – возразила я. – Проклятие снято, нам нечего бояться!

– И все-таки я не уверен, – упрямо проговорил он, сосредотачиваясь на портрете и полностью спрятавшись за ним.

Дитер умел быть нежным и заботливым, когда хотел, но если ему что-то втемашится в голову, пиши пропало – он становился непреклонен. Типичный характер типичного вояки, которого по-прежнему называли фессалийским чудовищем и боялись смотреть в лицо, особенно когда Дитер был без очков.

– Обещаю, – сквозь зубы продолжил он, нервно грызя мундштук, – скоро я обязательно разберусь с этим вопросом. Я отправил прошение в альтарский монастырь, и как только монахи-отшельники согласятся нас принять, мы узнаем наверняка.

Я вздохнула и опустила ресницы. Конечно, когда выходишь замуж за проклятого генерала, всегда есть вероятность, что твои дети тоже переймут проклятие, и ни мне, ни мужу не хотелось рисковать. Но при мысли о том, что у меня будет ребенок от любимого мужчины, сердце замирало от счастья и я готова была ждать сколько угодно, лишь бы это однажды произошло.

– Ты веришь мне, пичужка? – спросил Дитер, на миг отрываясь от картины.

– Верю, – улыбнулась я, и генерал улыбнулся в ответ.

– Вот и хорошо. А сейчас дай мне спокойно дорисовать волосы!

– Голубой краской? – подозрительно полюбопытствовала я, глядя, как Дитер снова увлеченно заелозил кистью по холсту.

– Не нравится голубой цвет? – Он пожал плечами. – Я могу взять зеленый.

– Ты опять смеешься надо мной!

– Серьезен, как камень. И прекрати вертеться, иначе нарисую тебе красные уши.

– Только не красные уши! – возмущенно пискнула я и взмахнула зонтиком, сбив несколько цветков.

Белые лепестки закружились, осыпая меня как снегом.

– Спокойно, пичужка. Я художник, я так вижу. – Выдув дымную струйку, Дитер отодвинулся от холста, окинул его довольным взглядом и удовлетворенно заявил: – Ну вот, теперь почти готово. Можешь смотреть.

Я сразу отбросила зонт и, придерживая халатик, метнулась к портрету. До этого я видела его картины только в родовом замке герцогов Мейердорфских, наследником которых был мой муж, но при мне Дитер не рисовал. Лишь недавно удалось уговорить его вернуться к любимому хобби, и мне нравилось, каким умиротворенным и возвышенным становился он в такие моменты.

Оттолкнув Дитера плечом, я остановилась перед холстом и неверяще замерла.

– О Дитер! – тихо воскликнула я. – Это действительно талантливо...

Я восхищенно разглядывала собственный портрет, нарисованный нежными акриловыми красками. Дитер изобразил меня в виде альтарской аристократки, неспешно прогуливающейся в весеннем саду, когда солнце только восходит над вершинами гор и золотит облетающие цветы. Мое лицо на картине было немного блее обычного согласно альтарской моде, но тем лучше с фарфоровой кожей контрастировали рыжие волосы, уложенные в сложную многоярусную прическу и подсвеченные солнцем, и нежно-коралловые губы, уголки которых приподнялись в улыбке, достойной Моны Лизы.

– Глаза боятся, а руки делают, – многозначительно проговорил Дитер, глядя не на портрет, а на меня.

Я счастливо вздохнула и поцеловала его в щеку:

– Спасибо, дорогой...

– Нет-нет! – засмеялся он, притягивая меня к себе. – Этого мало! Такой превосходный портрет только из-под пера мастера достоин большего, чем поцелуй в щеку!

– То был задаток, – проворковала я, запуская ладони ему под рубашку. – А теперь – все остальное.

Дитер вытащил мундштук и ответил на поцелуй, обнимая меня властно и нежно, прижимая к себе, водя ладонями по обнаженным плечам, все ниже и ниже стягивая халатик. Я замурлыкала, тая от его ласки, глотая сладкое травяное дыхание, касаясь пальцами крепких, накачанных мышц. Дитер довольно вздохнул и оголил мои груди.

– И правда, – шепнул он прямо в губы, – может, не ждать никаких отшельников, а заняться наследником прямо сейчас?

– Я буду счастлива, мой господин! – ответила я на ломаном альтарском, прижимаясь к мужу всем телом, и тут в самый неподходящий момент хлопнула стеклянная дверь, ведущая из дома в наш уютный маленький садик.

– Ваше сиятельство! – услышала я голос адъютанта Ганса. – Вас там...

– Не видишь, придурок, я занят? – рыкнул генерал, оборачиваясь.

Я сразу же накинула на плечи халатик и выглянула из-за Дитера. Адъютант покраснел до самых корней волос, заплетенных в короткую косичку, отвел взгляд и добавил:

– И вам доброе утро, фрау Мэрион. Прошу прощения за вторжение, но...

– Отставить любезности! – рявкнул Дитер. – Ворвался, так говори!

– Не смел отвлекать, ваше сиятельство, – зачастил Ганс, – но в вашу резиденцию только что прибыл альтарский министр и требует аудиенции!

– Вот как, – спокойно произнес мой генерал, на лице не дрогнул ни один мускул, зато в серых глазах вспыхнули опасные золотые искры. – По какому вопросу аудиенция?

– Не могу знать! – с готовностью сообщил Ганс.

– Раз не можешь, так ступай! – бросил Дитер и снова повернулся ко мне, оглаживая спину: – На чем мы закончили, птичка? Ах да... наследник!

Я тепло взглянула на мужа, но уже понимала, что момент упущен, и просто так Ганс не уйдет. Адъютант был вроде лесного клеща: если вцепится – не отпустит.

– Господин министр сказал, он прибыл по поручению его императорского величества! – на одном дыхании выпалил Ганс.

– Альтарского величества? – уточнил Дитер, рассеянно поглаживая меня по плечам.

– Ясное дело, не фессалийского, – во все зубы улыбнулся адъютант, и я подхватила его ухмылку.

Память о фессалийском короле Максимилиане осталась, скажу честно, нерадостная. Да и могло ли быть иначе, если этот человек шантажировал меня саму, держал в темнице моего мужа и откровенно использовал его в качестве ручного монстра?

– Все равно, – отрезал Дитер. – Передай, что я в отставке. У меня куча незаконченных дел: дописать портрет жены, выпить утреннюю чашку чая, выгулять пса, а еще...

– Ваше сиятельство! – крикнул Ганс, нарушив субординацию, что позволял себе не часто. – С господином министром прибыл господин Ю Шэн-Ли!

Я ожидала, что имя друга вызовет у Дитера интерес, но упрямец только пожал плечами:

– Шэн войдет в наше положение, он подождет.

Лицо Ганса перекосило отчаяние, я вздохнула и, взяв Дитера за руку, мягко произнесла:

– Дорогой, мне тоже жаль, что нас прервали в такой важный момент, но, возможно, у твоего друга и господина министра действительно срочное дело.

– Важнее чая и пса? – нахмурился Дитер.

– Совсем немножко! – Я привстала на цыпочки и чмокнула его в гладко выбритую щеку. – Но ты нужен им.

– Я нужен всем, – скривился генерал, обеими ладонями пригладил свои черные как смоль волосы, привычно тронул седую прядку, оставленную древней магией, и повернулся к адъютанту: – Твоя взяла. Приглашай господ в приемную, я скоро буду. – Подумал, прижал меня к себе и добавил: – Мы скоро будем.

– Мы? – переспросила я.

– Да, моя генеральша, ты идешь со мной, – усмехнулся Дитер и, поцеловав в висок, шепнул на ухо: – Не забудь свой родовой кулон, посмотрим, что на уме у этого министра.

Я понимающе кивнула: кулон-оберег с духом Белого Дракона часто превращался в барометр, нагреваясь в случае опасности, и я понемногу училась управлять его магией, подмечая, врет человек или говорит правду, пришел с дурными намерениями или принес радостную весть.

– Скоро буду, – пообещала я и ответно поцеловала Дитера в краешек губ.

Мой будуар располагался на втором этаже южного крыла нашего уютного особняка, притаившегося в долине провинции Фенг между холмами.

В распахнутое окно время от времени задувал легкий утренний ветерок, парусами вздымая занавески, щебетала в клетке канарейка, над головой покачивались яркие бумажные фонарики. Я потянула за витой шнурок, и в глубине дома раздался мелодичный звон.

Распахнув платяной шкаф, я стала разбирать наряды, среди которых были и фессалийские платья, по приказу Дитера доставленные из его родового замка, и альтарские ханьфу, напоминающие длиннополые халаты из атласа или шелка, расшитые драгоценностями и золотом. Признаться, в последнее время я отдавала предпочтение местной моде: выглядели наряды торжественно и красиво, а самое главное – здесь не были приняты корсеты, которые сдавливали ребра и мешали дышать.

– Да, госпожа? Вызывали, фрау? – наперебой прочирикали мои девочки, Жюли и Гретхен.

Обе темноволосые и круглолицые, они походили на сестренок, только Жюли была поживее, а Гретхен – посерьезнее.

– Нужно одеться к встрече с министром, – выпалила я, пихая им в руки облюбованное мной ханьфу нежно-кремового оттенка с серебряным шитьем и алой оторочкой.

Пока Жюли помогала с одеждой, Гретхен расчесала волосы и ловко уложила волнами, заколов резными шпильками из кости буйвола; я меж тем проверила, застегнута ли цепочка, и потрогала черный кулон – раньше он был прозрачно-белым, выполненным из лунного камня, пока не вобрал в себя древнее проклятие. Жюли говорила, что в нем теперь соединились духи Белого Дракона моего рода Адлер-Кёне и Черного Дракона рода Мейердорфов. Несмотря на то что теперь кулон стал непрозрачным как уголь, силу он не утратил, и мне почему-то казалось, что эта сила проявится однажды в совершенно новом, неожиданном для меня ключе.

– Вам хоть сейчас в императорский дворец, фрау! – удовлетворенно заметила Жюли, оглядывая результаты своих трудов.

– Довольно с меня дворцов! – фыркнула я и подмигнула Гретхен. Уж кому, как не бывшей служанке фессалийской королевы, знать, что в некоторых дворцах

ложками уксус черпают, а вовсе не мед. – Нам с Дитером и тут хорошо.

– Хорошо-то хорошо, – с осторожностью возразила Жюли. – Только Ганс говорил, что его сиятельству жить спокойно не дадут. И, как видите, оказался прав.

Я слегка нахмурилась, понимая, что девушка права. Сколько времени прошло с тех пор, как мы сбежали из Фессалии и получили убежище в Альтаре? Без малого три недели. Ну а теперь всем снова понадобился василиск.

Вздыхнув, я сунула ноги в туфли с открытой пяткой и слегка загнутыми носками, расшитыми серебряными узорами.

Поддерживая подол, чинно спустилась с лестницы, держа голову прямо, будто родилась альтарской аристократкой, и никому было невдомек, что на самом деле я родилась не в Альтаре и не в Фессалии, а в России, в обычном провинциальном городе, и звали меня тоже обычно – Маша, а вовсе не...

– Госпожа Мэрион фон Мейердорф-Кёне! – пафосно возвестил наш пожилой лакей и почтительно поклонился, пропуская меня в приемную.

Она была оформлена в светло-коричневых тонах, в воздухе витал ненавязчивый запах жасмина, едва слышно звучала традиционная альтарская музыка, навеявая мысли о покое и расслабленности. Мужчины сидели на расстеленных циновках и передавали друг другу коробочку, наполненную чайными листьями, вдыхали аромат и важно качали головами. Услышав голос лакея, Дитер поднял голову, и я вздрогнула, наколовшись на острый взгляд. Сознание слегка поплыло, лакей сглотнул и спиной вжался в дверной наличник. Мой агатовый кулон кольнул шею, и я ощутила страх нашего пожилого слуги. Но сияние в золотых глазах Дитера исчезло так же быстро, как появилось, и он важно произнес:

– Чайная церемония не терпит суеты, Бруно. Настаиваю отныне не тревожить нас до окончания переговоров.

Лакей вновь склонился и поспешно закрыл за собой дверь. По губам Дитера скользнула улыбка, и он похлопал ладонью рядом с собой:

– Мэрион! Присоединяйся, дорогая. – Тут он повернулся к пожилому альтарцу с тонкими висячими усиками и сложил ладони на груди: – Счастлив представить свою супругу, господин Ван Менг-Ли.

Я повторила его жест, слегка поклонилась и произнесла по-альтарски с акцентом:

– Пусть солнце освещает ваш дом.

Сидевший рядом с Дитером его давний друг, альтарский посол Ю Шэн-Ли, удивленно спросил:

– Как вы успели выучить язык за такой короткий срок? Какая-то магия? Или врожденные способности?

– У Мэрион много талантов, – горделиво похвастался Дитер.

Я стыдливо промолчала, потому что мне действительно помогла магия Белого и Черного Драконов, соединившихся в моем кулоне-обереге. Скинув туфли, я села рядом с мужем, приняла из его рук круглую коробочку с листовым чаем и ощутила свежий аромат.

– Пусть этот напиток наполнит нас силой и гармонией, – проговорил Дитер и принялся лить воду в глиняный заварочный чайник. – А помыслы будут чисты, как эта вода.

– Гармония понадобится, господин Ди-Тер, – заметил пожилой альтарец Ван Менг-Ли. Наверное, это и был министр, который настойчиво добивался аудиенции у моего мужа. – В мире неспокойно.

– Даже в большую бурю есть время для тихого ветра, – миролюбиво отозвался Ю Шэн-Ли, подмигивая мне узким черным глазом. – Для того мы и прибыли сюда, чтобы отгородиться от бури и поразмышлять в тишине.

– И сделали абсолютно верно, – подхватил Дитер, серебряной ложкой снимая образовавшиеся на поверхности пузырьки и всплывшие чайные листья. – Весенний ветер очистит мир от сора и принесет дыхание свежести. Не зря я

пригласил на эту встречу свою супругу как олицетворение этого прекрасного времени года.

Теперь оба альтарца с интересом глянули на меня и почти синхронно поклонились.

– Император Солнца, Золотоликий Ли Вэй-Дин, приглашает вас во дворец, господин Ди-Тер, – мягко произнес Ван Менг-Ли, принимая из рук моего мужа чашку с напитком.

Прикрыв веки, он втянул носом аромат и издал долгое удовлетворенное: «А-ах!»

– Зачем я понадобился Золотоликому? – нахмурился Дитер.

Пригубив из чашки, министр причмокнул губами, что в Фессалии выглядело бы моветоном, но в Альтаре считалось знаком высшего расположения, и ответил:

– Вы уже три недели гостите в империи Солнца, господин Ди-Тер, но еще ни разу не выказали его императорскому величеству почтения и благодарности.

Я внутренне сжалась и ощутила, как кулон кольнул шею. Придвинувшись к мужу, взяла его за руку, переводя взгляд с министра на Ю Шэн-Ли, который притворился, будто очень увлечен чаем.

– Я послал императору в благодарность трех лучших породистых скакунов из своей коллекции! – холодно отчеканил Дитер, сжимая мою ладонь. – И не посчитал нужным отвлекать Золотоликого от важных государственных забот.

– Его императорское величество благодарит за щедрый дар, – слегка поклонился Ван Менг-Ли. – Но желал бы видеть вас и вашу супругу у себя на приеме в честь летнего солнцестояния.

– Он врет, – одними губами по-фессалийски произнесла я.

Кулон слегка обжигал кожу, как нагретый на солнце камень. Не знаю, услышал и понял ли мои слова министр, но Ю Шэн-Ли дернул бровью и покосился на меня поверх чашки.

– Мы с супругой польщены приглашением, господин министр, – сказал Дитер, поглаживая мои пальцы. – Но что-то подсказывает – это не единственная причина, по которой меня хочет видеть император.

Ван Менг-Ли отставил чашку. По его гладкому лицу с легкими морщинами вокруг глаз нельзя было сказать, возмущен он или огорчен словами фессалийского генерала. Наш альтарский друг слегка дернул головой и поджал губы, словно осуждая, но Дитер и ухом не повел.

– Признайтесь, – продолжил он, – все дело в конфликте между Фессалией и Кентарией из-за посла, в убийстве которого сначала обвиняли меня.

Ю Шэн-Ли поперхнулся, но чинно отставил чашку и промокнул рот салфеткой.

– Вы прямолинейны, как полет стрелы, мой друг, – осторожно заметил он.

– И так же точно бью в цель, – кивнул Дитер, в глазах за клубилась золотая мгла.

Министр вздрогнул и тотчас опустил лицо. Его подбородок задрожал, и длинные усы качнулись, как шнурки.

– Положение крайне щекотливое, господин Ди-Тер, – забормотал он, пощипывая один из «шнурков». – Назревает война. Фессалийский король желает заручиться поддержкой нашей страны как союзника.

– И просит выдать меня? – усмехнулся Дитер.

– О, нет-нет! – замахал руками министр, словно отгоняя бабочек, проникших сквозь приоткрытое окно. – Об этом не было и речи!

Дитер испытующе посмотрел на меня, будто спрашивая: «Врет?»

Я сжала его пальцы и слегка наклонила голову: «Врет».

Дитер вздохнул и отхлебнул ароматного чая, однако я чувствовала, как напряжены его мускулы. Эта встреча все меньше походила на чайную

церемонию и все больше – на пикировку двух хитрецов. Кто кого перехитрит? Хотелось бы поставить на Дитера. После того как генерала едва не казнили по приказу фессалийской монаршей четы, мне не хотелось снова потерять его.

– Допустим, – тем временем проговорил Дитер. – А что насчет войны? Кентарийский вождь уже выдвинул ультиматум?

– Еще нет, – вступил в разговор Ю Шэн-Ли, который до этого предпочитал отмалчиваться, предоставив первое слово старшему по возрасту и чину. – Но война стоит на пороге. Ею пропитался воздух, ею пахнут пожары на приграничных землях, о ней шепчут крестьяне, когда видят кентарийские отряды, топчущие посевы...

– Я бы не стал нагнетать, господин посол, – оборвал его министр и окончательно отставил чашку. – Вы правы в одном: мы должны защитить свои земли наравне с Фессалией. И просим в этом поддержки у господина Ди-Тера.

– Но я в отставке, – напомнил мой муж.

– Знаем.

– И в провинции Фенг хорошо и спокойно.

– До поры до времени, господин Ди-Тер.

– Просит не фессалийский король, мой друг, – тихо произнес Ю Шэн-Ли. – И не только император Альтара. Просят честные граждане моей родины. Прошу и я...

Вздыхнув, я сжала в кулаке кулон. Он запульсировал, как живой сгусток, магия потекла, обволакивая теплом. Ю Шэн-Ли говорил правду. Он никогда не лгал. А вот министр явно сидел как на иголках. Что-то скрывал или недоговаривал?

– Мне думается, вы раскрыли не все, – по-альтарски сказала я.

Ван Менг-Ли вскинул голову и процедил сквозь зубы:

– Я сказал достаточно, юная госпожа.

Хотя явно собирался выдать другое: «Не женщинам лезть в дела мужчин!»

Вот уж дудки! Пока альтарцы – гости в нашей резиденции, здесь действуют другие правила.

– Говорите смело, господин Ван Менг-Ли, – поддержал меня Дитер. – Моя супруга достаточно образованна и сведуща в государственных делах и может дать ценный совет.

Альтарцы переглянулись.

– Вы можете сказать, господин министр, – произнес Ю Шэн-Ли. – Я ручаюсь за своих друзей. Это останется в тайне.

Министр крякнул, почесал переносицу, закатил глаза и пошлепал губами, видимо, шепча обращение к местным духам. Дитер молчал, просверливая гостей тяжелым взглядом. Молчала и я, гадая, что такого может случиться на приеме у императора и что хотели утаить альтарцы? Самое дурное, что я могла представить, – это встреча с фессалийским королем и его супругой, которую, я надеялась, король сослал если не на каторгу, то на далекие острова, докуда не доплывет ни один корабль и не доберется ни один ее любовник, в том числе и кентарийский вождь. Да и кому нужна такая любовница с наполовину окаменевшим лицом?

Я поежилась, вспомнив полную ненависти фессалийскую королеву, и понадеялась, что теперь это в прошлом.

– Вы, господин Ди-Тер, – наконец заговорил Ван Менг- Ли, – будете не единственным военным советником, приглашенным на императорский прием. Вместе с вами Золотоликий пригласил лучших воинов Альтара, начиная от высшего командного состава и заканчивая подающими надежду капитанами.

Уголек-кулон обжег снова. Я со значением глянула на мужа. Тот нахмурился:

– Продолжайте, господин министр. Это ведь не все.

– Скажите ему, – мягко посоветовал Ю Шэн-Ли, медленно покачивая головой и улыбаясь одним уголком рта. – Мой друг не отступится, пока не узнает.

Министр снова закатил глаза, очертил над головой круг, совершая охранный ритуал, и выдал на одном дыхании:

– Еще Золотоликий пригласил на прием Оракула, Тысячеглазую и Всевидящую госпожу О Мин-Чжу.

Имя пронеслось по комнате дуновением сквозняка. Я поежилась и плотнее запахла полы ханьфу. И увидела, как бледнеет мой муж.

– Прекрасно, – сквозь стиснутые зубы процедил он. – Просто превосходно! В преддверии войны его императорское величество не довольствуется советом воинов, а полагается на пророчества колдунов? – Он нервно ухмыльнулся. – Так, может, сразу позвать шарлатанов со всей империи? Ясновидящих, гадалок, прорицателей, чернокнижников всех мастей?

– Госпожа Оракул – не шарлатан, – не согласился Ю Шэн-Ли, и его голос приобрел тяжелые металлические нотки. – Она – мать-основательница горного монастыря на плато Ленг, где растет священное дерево гиш, подпирающее кроной небесный свод и дарующее нектар, столь необходимый в магических ритуалах. Однажды он помог и вам, мои друзья.

Альтарец поклонился, и я вспомнила, как он привез мне зелье подчинения, с помощью которого я смогла освободить Дитера из заточения и раскрыть предательство фессалийской королевы.

Я прижала ладонь к груди, усмиряя пустившееся вскачь сердце.

– Дитер, – слабо позвала я, но муж не услышал.

– Нет, – твердо сказал он. – Я в отставке. Прошу меня простить, господа.

Ю Шэн-Ли цокнул языком, пожилой министр сощурил глаза до темных прорезей на желтоватом, как пергамент, лице.

– Дитер! – позвала я громче и потянула мужа за рукав. – Нам надо поговорить.

– Поговорим потом, пичужка, – механически отозвался генерал.

Я в отчаянии прикусила губу. Ну как он не понимает!

– Давай выйдем, прошу тебя! – взмолилась я по-фессалийски. – Это важно!

Он все же повернул ко мне строгое лицо с прямым носом и упрямо сжатыми точеными губами. В зрачках закручивались золотые спирали, отчего я почувствовала легкое головокружение и вцепилась в спасительный кулон. Заметив мой жест, Дитер расслабился, и золотое свечение слегка померкло.

– Хорошо, – кивнул он. Повернулся к алтарцам и слегка поклонился: – Прошу меня простить, нужно посоветоваться с супругой. Дайте нам несколько минут.

– Пусть духи укажут вам правильный путь! – пожелал наш друг Ю Шэн-Ли, а министр разрешающе махнул рукой.

Едва мы вышли за дверь, как я набросилась на Дитера:

– Ну как ты не понимаешь?! Это же такой шанс!

– Какой? – холодно спросил генерал, буравя меня колким взглядом. – Шанс снова стать марионеткой в чужих руках? Я наелся этого за долгие годы, поверь.

– Знаю, мой дорогой! Знаю! – жарко заговорила я, прижимаясь к нему всем телом. – Я боюсь за тебя, страшно боюсь! И не хочу тебя потерять снова!

– И я не хочу, моя пичужка. – Дитер обнял меня в ответ и поцеловал в макушку. – Ну что ты вся дрожишь, милая? Собственная сила теперь в моих руках, меня не напугать простым зеркалом. Я всегда буду рядом, буду защищать тебя и только ради нас с тобой намереваюсь остаться в резиденции... Разве ты не желаешь того же?

– Желаю! – прошептала я, обвивая его шею и заглядывая в лицо. Его зрачки дрожали, как темные озера, в глубине которых вспыхивали золотые огни. – Но

еще больше я желаю знать, будет ли у нас ребенок...

Дитер замер, сжав меня в объятиях. Его сердце глухо билось в грудной клетке, брови хмурились, между ними то появлялась, то исчезала глубокая складка.

– Я не доверяю оракулам и магам, – сказал он спустя минуту, тщательно подбирая слова. – С тех пор как мой отец, герцог Мейердорфский, отравил мою мать магическим зельем и обрек меня на пожизненные муки, я совершенно не жажду связываться с магией.

– Оракул – основательница монастыря, – напомнила я. – И разве ты сам не отправил прошение монахам-отшельникам на священное горное плато Ленг?

– Отправил, милая, – вздохнул Дитер. – Но не думал, что ответ придет так скоро...

– Видишь, это знак! – возликовала я, уже чувствуя, что понемногу пробиваю защитный панцирь генерала. – Если гора не идет к супругам Мейердорфским, то супруги Мейердорфские идут к горе!

– Не споткнуться бы по дороге, – проворчал Дитер и поцеловал меня в висок.

– Пока ты рядом, мне ничего не страшно. – Я поймала губами его теплые губы.

Дыхание Дитера пахло чайной свежестью, тепло разливалось между нами, и я снова растворилась в его сильных руках, в его поцелуе, в его ауре, дурманящей и немного опасной.

– Я генерал и привык побеждать на поле брани, – прошептал Дитер, лаская мой живот. – Но всегда проигрываю на поле любви и готов сдаться в плен красивой женщине.

– Любой женщине? – протянула я, на миг отрываясь от поцелуя и глядя в глаза василиска, как в открытый огонь. – Однако, какой вы ловелас!

– Увы, женатый ловелас! – засмеялся Дитер.

– Жалеете? – вскинула я брови, запуская ладонь под его китель и поглаживая мускулы.

– Весьма.

– О чем же?

– Что не могу сделать свою жену счастливой, – усмехнулся Дитер и снова привлек меня к себе.

Я замерла, уткнув лицо в его грудь, вдыхая родной запах и тая от накатившей нежности.

– Ты обязательно сделаешь, Дитер, – прошептала я. – У нас все будет замечательно, я знаю.

– Верю, пичужка, – не стал спорить он. – Ведь ты – моя Звездная Роза, упавшая с неба. А небожителям всегда виднее, как лучше устроить земные дела. – Поцеловав меня, Дитер игриво хлопнул по мягкому месту: – Теперь беги собираться. Завтра мы отправимся в альтарскую столицу.

Глава 2

Оракул

Утром меня разбудил не нежный поцелуй в щеку, а звук охотничьего рога, протрубившего едва ли не над самым ухом. Я вскочила, в испуге озираясь по сторонам, но увидела только довольно ухмыляющегося Дитера с рогом в руках.

– Ты! – возмущенно вскричала я. – Я могла умереть от испуга!

– Подумаешь, обычная армейская побудка, – пожал плечами супруг.

– Ах «обычная»?! Так получи! – Я запустила в него подушкой.

Дитер поймал подушку и прижал к носу:

– Мм... люблю запах теплой и сонной птички. Она так изящно машет крылышками, когда пугается!

– А еще я изящно машу сапогами сорок второго размера! – в тон ему ответила я и подхватила стоящий у кровати генеральский сапог. – Чей туфля? Твой? Готовься, сейчас будут пули свистеть над головой!

Дитер выставил подушку как щит и принял пафосную позу:

– Фессалийские драконы не сдаются!

– Русские и подавно! – Я швырнула сапог, Дитер уклонился и с рычанием бросился ко мне.

Я пискнула, ныряя в облако перин и подушек. Дитер навалился сверху и просипел:

– Сдавайся, птичка!

– Ни за что! – отказалась я и поцеловала его в губы.

– Вот как! – Он поглядел в упор. В его зрачках закрутились золотые спирали. – Запрещенный прием?

– Еще нет, ваше сиятельство, – улыбнулась я. – Но сейчас будет...

Я провела рукой по его груди, оглаживая напряженные мускулы, чуть выпуклые нити шрамов, круговыми движениями обвела живот. Дитер выдохнул сквозь сжатые зубы и подтянул меня к себе. Его поцелуи обжигали кожу, ладони гладили живот и ноги, задирая подол ночной сорочки все выше и выше, пока я не почувствовала, как бедер коснулась напряженная плоть.

– Вы ненасытны, ваше сиятельство, – с придыханием произнесла я, дрожа от сладкой истомы. – Неужто мало ночи?

– Твой нектар слишком дурманит разум, моя роза, – проговорил Дитер между поцелуями. – Его всегда мало...

Горячая ладонь скользнула между бедрами. Я застонала, откидываясь на подушки, и бесстыдно раздвинула колени. Тело горело, по венам пробежал ток, а может, магия.

– Дитер! – прошептала, выгибаясь ему навстречу.

Внезапно открылась дверь.

– Ваше сиятельство, карета подана! – во все горло прокричал Ганс.

Дитер зарычал, но не от страсти, а от ярости. Я залилась румянцем, но не потому, что оказалась почти обнаженной перед ошарашенным адъютантом, а потому, что услышала отборную и виртуознейшую фессалийскую ругань из уст мужа, где единственными понятными словами были:

– Куда прешь, болван? Не видишь, мы с супругой не одеты?!

Потом в несчастного Ганса полетели второй сапог, оставшиеся подушки и даже медный канделябр. Дверь захлопнулась, и уже тогда слышалось приглушенное извинение:

– Простите, ваше сиятельство! И вы, ваше сиятельство! Но вы приказали подать карету к девяти утра! И вот я...

– Выполнил и свободен! – заорал Дитер и с неудовольствием глянул на часы.

Я проследила за его взглядом и увидела, что минутная стрелка стоит аккурат на двенадцати.

– Опаздываем! – в один голос вскрикнули мы и подскочили с кровати.

Мы разлетелись по комнатам. Жюли уже ждала меня, нервно перебирая гардероб.

– Не смела тревожить вас, фрау! – зачастила она. – Ганс сказал, вы с супругом, поэтому...

– Поэтому нужно скорее собраться! – выпалила я и схватила первое попавшееся платье-ханьфу красивого желтого оттенка. – К нему подойдет красный пояс, как думаешь, Жюли? И вон те прелестные туфли. А волосы мне заколи так...

Второпях я принялась помогать укладывать волосы в прическу, на что служанка поджимала губы и ворчала:

– И откуда только понабрались замашек? Где это видано, чтобы госпожа сама одевалась и сама прически делала? Если так дело пойдет и дальше, то господа скоро сами обеды готовить будут и полы мыть. А на что же тогда горничные?

Она покачала головой, словно укоряя меня в излишней самостоятельности. Я уже почти была готова, когда в будуар заглянул Дитер.

– Ах! – всплеснула руками Жюли. – Ваше сиятельство, нельзя мужчине...

– А супругу можно, – отрезал он и повел пылающим взглядом туда-сюда. – Мэрион, ты готова?

– Почти! – с улыбкой повернулась я, но вместо ответной улыбки увидела плотно сжатые губы.

– С ума сошла! – ничуть не стесняясь Жюли, констатировал муж. – Заявиться к альтарскому императору в желтом ханьфу? Он подумает, что ты собралась узурпировать его трон.

– Что за чушь! – возмутилась я.

– Желтый – цвет солнца, поэтому и носить его можно только Золотоликому, – сообщил Дитер. – Переодевайся, у тебя десять минут.

Дверь хлопнула. Я показала язык и со вздохом развязала пояс.

– Дикая страна и дикие законы, – поддержала меня Жюли, суетливо выбирая новый наряд. – Корсетов не носят, лица белят, губы красят ярко, как куртизанки. Фи!

Она достала из шкафа нежно-изумрудное платье, и я дала добро. Зеленый всегда хорошо сочетался с моими ярко-рыжими волосами, в таком наряде я буду настоящей королевой весны и света.

Снова распахнулась дверь. Дитер, еще суровее прежнего, повел носом и презгливо сморщился, увидев мой новый наряд.

– А это уже оскорбительно! – фыркнул он.

– Что опять не так? – Я уперла руки в бока и с вызовом глянула на мужа. – Герр Дитер, потрудитесь объяснить свое негодование!

– В Альтаре зеленый цвет считается цветом обмана, – сквозь зубы выцедил генерал, посверкивая золотом из-под нахмуренных черных бровей. – В том числе и супружеского. Здесь все еще в ходу выражение «носить зеленую шапку», что в переводе на фессалийский означает «наставить рога».

Я испугалась и робко спросила:

– Тогда, может, белый?

– Белый в Альтаре носят только на похороны.

– Черный?

– Привлекает злых духов.

– Да что тогда можно, дракон их раздери? – выругалась я, беспомощно оглядывая гардероб.

Дитер усмехнулся и вытащил из гардероба алый наряд, расшитый серебряными цветами и золотыми лентами.

– Красный, дорогая, – важно ответил он. – И поторопись, через пять минут жду во дворе.

Проклиная всех духов, драконов, придворный этикет и собственную невнимательность, я принялась переодеваться, но в пять минут уложилась с натяжкой и поспешила вниз, на ходу застегивая серьги.

– Ты вовремя, – похвалил Дитер, указывая на песочные часы, установленные посреди нашего дворика. – Еще немного, и будешь собираться не хуже моих подчиненных.

– Бывших подчиненных, – поправила я. – Напомню, ваше генеральское сиятельство, что вы в отставке.

– Скорее в самоволке, – невесело скривился Дитер и поправил темные очки, которые привычно закрепил вокруг головы ремешком.

– Решил вспомнить прошлое? – поинтересовалась я.

– Решил, что ни к чему сеять при императорском дворе панику, – в тон мне ответил Дитер, беря за руку. – Помни, дорогая. Что бы ни говорил император и какие бы песни ни пел, мы чужие в его стране. А я, более того, – захватчик. Ведь не будь меня, альтарские провинции не стали бы фессалийскими колониями. И нельзя сказать, что я сожалею об этом. Я только исполнял долг во благо своей родины.

Мы пошли по аллее, подсвеченной утренним солнцем. Сливовые деревья почти осыпались, скоро на них завяжутся плоды, и я подумала, что тоже подобна этим садам: созрела и расцвела, а теперь пришел срок плодоносить.

Когда мы вышли на лужайку, на солнышко набежало облачко. Дорожку закрыла тень, и я подняла голову, чтобы проверить, не собирается ли дождь. Но так и замерла с запрокинутым лицом.

– Дитер, – прошептала я, в страхе сжимая его ладонь. – Ди...

– Спокойно, милая, – донесся мягкий голос мужа. – Это пэн, ездовая птица.

Я проглотила застрявший в горле комок. Виверны, драконы... да кто угодно! Мне казалось, я уже видела все чудеса этого магического мира, но жизнь не готовила меня к встрече с птицей размером с трехэтажный дом.

– Мы полетим на ней? – с трудом выдавила я, прячась за спину генерала и разглядывая темно-синие перья на исполинской груди, сложенные черные крылья и могучий клюв, нацеленный в небо.

Птица подергивала головой, пытаясь избавиться от сбруи или от шор, закрывающих ее глаза. Медные когти скребли по земле, оставляя глубокие борозды.

– Пэн – самое быстроходное создание, даже виверны не могут соперничать с ней, – сказал Дитер и мягко подтолкнул меня к птице. – Давай, не бойся.

– Сначала ты, – заупрямилась я. – Вдруг эта... этот пэн голоден?

– Думаешь, он соблазнится мной в качестве пищи? Да во мне одни жилы!

– А во мне – кости!

– Ну так иди первой.

– Да вот что-то камушек в туфлю попал... – Я задргала ногой, делая вид, что вытряхиваю камень.

Дитер хмыкнул и, отпустив мою руку, подошел к птице.

– Видишь? – Он похлопал ладонью по упругому боку. – Это совсем не...

Птица раскрыла клюв и издала такой ужасающе скрежещущий крик, что все волосы на моем теле поднялись дыбом, я зажмурилась и приложила ладони к ушам, чтобы не оглохнуть. Но даже тогда все еще слышала звенящее эхо.

– Кажется, мне надо переодеться, – пробормотала я, дрожа и оглядываясь по сторонам в поисках путей к отступлению. – Да-да, я только сейчас вспомнила, что хотела надеть совсем другое платье...

– Мэрион, не дури! – строго приказал Дитер и, вернувшись, потащил меня за руку. – Ну что за капризная жена мне досталась!

– Я просто не каждый день летаю на гигантских чудовищах, – попыталась оправдаться я, но осталась неслышанной.

Дитер посадил меня на хорошо укрепленную складную лесенку и полез следом, похлопывая по задку и не давая ни малейшего шанса на побег. На мое счастье, птица стояла смирно. У основания ее шеи был закреплен паланкин, перед которым на жестком сиденье держался маленький альтарец в лихо заломленной алой шапочке и алой же куртке с кожаными заплатками. Подав мне руку, он заверещал что-то на своем языке, и я смутно поняла, что меня просят забраться в паланкин, пристегнуться и не высовываться до конца полета.

– Будто я собиралась! – пробормотала я и влезла в деревянную коробку, обшитую бархатом.

Дитер уселся рядом и сразу же проверил, хорошо ли я застегнула кожаные ремни, потом пристегнулся сам.

– Осторожно, двери закрываются, – буркнула я, осторожно выглядывая в окно. – Следующая станция...

– Дворец императора! – подхватил Дитер и сжал мою ладонь.

Земля сначала ударила снизу, потом провалилась вниз. Я изо всех сил стиснула руку мужа и зажмурилась, вжимаясь в бархатное кресло, не слыша ничего, кроме клекота и шума ветра от взмахов исполинских крыльев.

Птица взяла курс на альтарскую столицу.

Все-таки к полету мне было не привыкать. Немного справившись с первым волнением, я выглянула в небольшое окошко. Внизу простирались обширные равнины, засеянные рисом поля, бамбуковые рощи и деревеньки, уютящиеся в долинах и по берегам извилистых рек. Я видела, как работают крестьяне в широкополых соломенных шляпах, как дети бросают игры и задирают головы, что-то крича и показывая на нас пальцами. Тень от птицы утюжила землю,

касалась кончиками крыльев горной гряды на юго-востоке. Там, по словам Дитера, высился самый настоящий вулкан. Альтарцы называли его Спящим Мао – при определенном ракурсе вулкан напоминал голову старика. Бытовало поверье, что Мао просыпается перед трагическими событиями вроде кровопролитной войны или эпидемии, поэтому альтарцы щедро задабривали Мао подарками два раза в год: весной – закалявая молодого барашка, а осенью – урожаем с полей.

– Говорят, Спящий Мао едва не проснулся чуть больше тридцати лет назад, – заметил Дитер.

– И что тогда произошло? – спросила я, не отводя взгляда от черной горной вершины.

– Родился я, – усмехнулся генерал и добавил: – На самом деле тогда Фессалия колонизировала некоторые провинции Альтара. С тех пор этот год считается трауром в империи Солнца.

– Это все глупые предрассудки, – рассеянно отозвалась я, но смотреть в окно расхотелось.

Я приникла к Дитеру и прикорнула на плече, слушая, как гигантские крылья вспарывают воздух...

Проснулась от поцелуя и мягкого голоса:

– Вставай, соня. Мы почти прибыли.

Я замурлыкала, потерлась носом о руку мужа и зевнула.

– Так быстро?

– Хорошенькое дело! – отозвался Дитер. – Да ты двое суток проспала как сурок!

– Как «двое суток»?! – Я подскочила и выглянула в окно.

Птица замедляла полет, ее тень накрывала стены из красного камня и изогнутые крыши типичных альтарских построек.

– Ну хорошо, всего два часа, – примирительно сказал Дитер и тут же получил тычок под ребра. – У кого ты брала уроки единоборств?

– У тебя, врунишка несчастный! – напомнила я и надула губы.

Впрочем, быстро оттаяла, потому что птица пошла на снижение, и Дитер сгреб меня в охапку, пока нас обоих трясло и мотало, как горошины в банке. Хорошо, что оба пристегнулись ремнями.

– После такой тряски я буду выглядеть как кикимора, – пожаловалась я, когда птица коснулась земли и нас хорошенько подбросило на мягких сиденьях.

– Тем лучше для меня, – ухмыльнулся Дитер, сверкнув золотыми искрами за стеклами очков. – Меньше будет желающих заглядываться на мою жену.

– А вы, однако, собственник, ваше сиятельство!

– Настоящий тиран, – заверил он, целуя меня в губы.

Я ответила на его поцелуй, обвивая шею и прижимаясь к груди.

– Мне немного страшно, – призналась шепотом. – Как нас примет император? Что скажет Оракул и вообще захочет ли увидаться со мной?

– Захочет, – пообещал Дитер. – У меня все хотят и делают. Добровольно и с песней.

– Суровый генерал, – улыбнулась я. – За что полюбила?

– За красивые глаза, – без запинки ответил Дитер и расстегнул ремни. – Ну вот мы и прибыли, моя генеральша. И даже почти не опоздали.

Возница помог спуститься вниз, и мы очутились во внутреннем двореке, мощенном брусчаткой. Отовсюду с башен щерились разинутые пасти не то львов, не то драконов. Миновав арочные ворота, мы вышли к трехъярусной террасе из белого мрамора. Слева и справа тянулись зеленые аллеи, откуда-то

звучала приятная расслабляющая мелодия.

– Зал Высшей Гармонии, – шепнул Дитер, указывая на скульптуру дракона, из глотки которого выкатывалось несколько зеркальных шаров.

Я увидела собственное отражение, искаженное и перевернутое, и сама себе показалась пришельцем из какого-то иного мира... Впрочем, так оно и было.

– Эта скульптура называется Зеркало Истины, – пояснил Дитер, даже не взглянув на дракона. – Говорят, в нем можно разглядеть истинное обличье человека. Если он добр, то будет выглядеть красиво и благородно. Если зол – будет напоминать чудовище.

Не сбавляя шага, Дитер зашагал по лестнице, и мне ничего не оставалось, кроме как последовать за ним. Мой муж не любил зеркал: совсем недавно, когда он еще не умел контролировать силу, собственное отражение могло убить его.

– Ты должна поклониться Золотоликому, – напутствовал Дитер. – Но ни в коем случае не становись на колени, даже если увидишь, что все стоят. Мы, фессалийцы, хотя уважаем алтарские законы, не должны преклонять колен перед проигравшей стороной.

Я послушно кивала, едва поспевая за супругом. Было немного страшно: какой он, алтарский император? Похож ли на надутого Максимилиана? Что скажет, когда увидит меня рядом с фессалийским генералом, и о чем будет вести речь? Торжественная пустота напрягала, а воины, стоящие по бокам лестницы, казались неживыми.

– Они ведь не статуи? – едва слышно спросила я, прижимаясь к Дитеру.

– Если это не те, кого я заколдовал на поле боя, то вполне живые, – усмехнулся генерал.

Почудилось, что один из воинов шевельнулся, и я пригнула голову, стараясь быстрее пробежать под вскинутой алебардой.

Когда мы наконец взойшли по лестнице, музыка заиграла громче. Я оглянулась через плечо и восхищенным взором окинула парк с аккуратными садами камней и маленькими пагодами, с бассейнами, в которых плавали пузатые золотые рыбки, и с фонтанами в виде драконов. А впереди слуги уже открывали массивные двери из черного дерева. Я ожидала, что о нашем прибытии возвестят, но ничего подобного не случилось.

От самого порога через всю залу лежала красная ковровая дорожка. По ее правую сторону стояли мужчины, а по левую – женщины. Увидев нас, они поклонились все как один, и у меня зарябило в глазах от обилия алых одежд, которые лишь изредка разбавляли нежно-кремовые, фиолетовые и голубые тона.

Над головой проплывали бумажные фонарики, традиционные в Альтаре, меж колонн возвышались рослые воины, облаченные в доспехи от макушки до пяток. Без шлемов, зато лица одинаково выбелены, как у призраков, нарисованные брови сходились над переносицей, что придавало воинам свирепый и устрашающий вид. Мужчины одеты или в мужской вариант ханьфу – длиннополые халаты с орнаментом, или в шелковые рубашки навыпуск; военных легко отличить по красным френчам с золотыми лычками на рукавах вместо погон. Женщины, разодетые более пестро, прятались за веерами и бросали на нас заинтересованные взгляды черных как угольки глаз.

– Осторожно, Мэрион, – тихо предупредил Дитер. – Ты сейчас сойдешь с ковровой дорожки прямо на полы одежды его императорского величества!

– Как это? – подпрыгнула я, с подозрением глядя под ноги, и не сразу поняла, что золотые ленты, красиво окаймляющие дорожку, тянутся к трону, возвышающемуся у дальней стены зала, и крепятся к золотому одеянию, в которое был завернут, как в панцирь, сухощавый старик с вызолоченным лицом.

– Я думала, это статуя! – изумленно таращась, призналась я.

Дитер слегка ухмыльнулся и, не доходя до трона, сложил ладони на уровне груди и поклонился:

– Пусть солнце освещает твой дом, о Золотоликий!

Застывшие черты старика шевельнулись, и губы сложились в тонкую улыбку. Старик простер правую руку вперед и проговорил дребезжащим голосом:

– Пусть солнце освещает и твой путь, Черный Дракон Фессалии.

Я повторила жест Дитера, поклонившись и произнесла приветствие на альтарском.

Старик качнул головой, отчего круглый диск, укрепленный над его головой и явно символизирующий солнце, тоже качнулся, и от него отразились лучи многочисленных светильников, точно над тронном блеснуло настоящее солнце.

– И тебе солнечного пути, наследница Белого Дракона.

– Благодарю за оказанную честь и предоставление политического убежища, Золотоликий Ли Вэй-Дин, – сказал Дитер, смело поднимая голову и спокойно глядя на императора сквозь темные очки.

– Моя страна нуждается в сильных людях, – ответил император. – Небесный Дракон указал мне путь, где сойдутся великие воины и мудрецы нашего времени, и только вместе мы сможем противостоять невзгодам, которые бьют нас, как град бьет посевы, и мучают, как засуха – поля.

– Я буду счастлив стать полезным Альтару, но не в ущерб моей родине, о Золотоликий, – снова поклонился Дитер, и я повторила за ним, краем глаза наблюдая, как некоторые мужчины опустили на колени и жестикулируют, отгоняя злых духов.

Может, суеверно гнали прочь несчастья, а может, слава Дитера бежала впереди него, и появление василиска при альтарском дворе само по себе являлось несчастьем.

– Теперь вы можете присоединиться к церемонии объединения, – провозгласил император, разводя руки ладонями вверх. – Да будут ваши помыслы чисты, дух крепок, а сердце горячо!

– К сожалению, мы должны разделиться, пичужка, – вздохнул Дитер, погладив меня по плечу. – Мужчины идут в зал Воинской славы, а женщины – в сад Безмятежности.

– И тут дискриминация! – возмутилась я, но тут же смягчилась: – Конечно, я подожду, дорогой. Вспоминай обо мне, и тогда я буду чувствовать тебя рядом всегда.

Я намекающе потеревала кулон и поцеловала Дитера в щеку.

Было немного тревожно за него, я отлично помнила, чем закончилась подобная встреча при дворе фессалийского короля. Но война – мужское дело, мне оставалось только ждать своего генерала с переговоров и слушать пустое щебетание альтарских девиц, расположившихся кружком на плетеных циновках под навесом, разрисованным драконами и птицами.

Я присела в сторонке, с благодарностью приняв из рук служанки маленькую глиняную чашечку с ароматным напитком, и принялась прихлебывать его, вслушиваясь в разговоры девушек. Они говорили довольно громко и совершенно не стесняясь, то поглядывая на меня со смешанным чувством любопытства и превосходства, то, наоборот, игнорируя, будто я мебель. Наверное, полагали, что я не понимаю по-альтарски, но ошибались.

– Как же не вовремя эта война! – проговорила одна, томно обмахиваясь веером и с досадой посматривая на дворец. – Мне только сделал предложение любимый Чен, и будет обидно, если его заберут в армию.

– Не ты одна такая, подружка, – поддержала ее другая, с густо подведенными глазами. – Мои братья подали прошение самому императору, чтобы их приняли на воинскую службу. А еще по нашим домам проходили сборщики податей, забирали лишние вещи и рисовые зерна на благо альтарской армии.

– И к нам приходили!

– И к нам! – донеслось отовсюду.

– А хуже всего то, что изъяли новые шелка и платья, которые я только что заказала из северных провинций! – подхватила еще одна девушка, высокая и худощавая, по меркам альтарок. Ее прическу украшали длинные спицы с бриллиантовыми подвесками, и при каждом повороте головы подвески качались и сверкали, как маленькие ледяные сосульки. – Можете себе представить? Шелка они продадут, а на вырученные деньги закупят армейский провиант! Все с ума посходили с этой войной.

«Конечно, – зло подумала я, опуская взгляд в чашку. – Когда вашу страну захватит кентарийский вождь, у вас не будет ни шелков, ни драгоценностей. Для победы уж могли бы и потерпеть! Курицы!»

Ругнувшись про себя, я взяла вторую чашку, и на меня неодобрительно покосилась размалеванная красotka. Придвинувшись к худощавой, она слегка понизила голос:

– Я все-таки надеюсь, что Кентария остережется воевать с Фессалийским Драконом. Говорят, его взгляд обращает в камень...

– И не только говорят, это действительно так, – кивнула худощавая, и подвески в ее прическе подпрыгнули. – Вы видели, он явился в темных очках? Василиск проклят.

– А я слышала, что проклятие снято, – робко заметила скромная девушка, сидящая, как и я, чуть поодаль. Она была наряжена не так богато, как прочие, видно, происходила из незнатного рода. – Разве не с этой женщиной он явился во дворец? – Она указала кивком в мою сторону, и горящие взгляды воткнулись в меня, как шпаги. – Я слышала, это его жена...

– Если это его жена, то я птица пэн, – усмехнулась худощавая. – Фессалийский Дракон любит формы, а эта – сухая и костлявая, как рыба.

Я вспыхнула и едва не подавилась чаем. Да что они себе позволяют?! Глянув поверх чашки, я заметила, что девушки сразу же приняли скучающий вид и заговорили тише.

– Откуда ты знаешь, Сю-Ин? – спросила та, что была с подведенными глазами.

Кінець ознайомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/flor_polina/serdce-vasiliska

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)